

СЕСТРА

АНАСТАСИЯ СОПИНОВА
Родилась в Воронеже в 1995 году. Училась на филологическом факультете Воронежского университета, окончила магистратуру СПбГУ по специальности «редакти-

рование и литературная критика». Обозреватель журнала «Прочтение», публиковалась в журналах «Нева» и «Звезда». Директор и идейный вдохновитель книжного магазина «Во весь голос».

Собака была маленькая и злая. Показывала крохотные зубки, тьякала, прыгала выше своей головы. Лена шагнула обратно в подъездную тьму, неуклюже подняв локти в красном пуховике.

– Да это он радуется, – улыбаясь, объяснил крестный. – Мы привыкли уже.

Крестный взял пса на руки, чмокнул между обросшими ушами и куда-то понес. Сланцы издавали громкое «флип-флап»; сплюсненные и гладкие, как ласты, стопы били линолеум.

Обеденный стол перетасили в зал и поставили напротив дивана. Блестели уже подсыхающие оранжевые икринки на бутербродах, в салатнице из толстого хрусталя возвышалась селедка под шубой. Тетка даже скатерть застелила и включила цветную гирлянду. Кто-то в телевизоре хлопал в ладоши и гоготал, и Лене стало уютно и хорошо. Родители елку дома давно не ставили, даже верхний свет по вечерам редко включали.

У балконной двери чах старый лимон: одна его ветка уперлась в потолок, а остальные поникли. Мертвые листья падали на стол крестного, и без того заваленный паяльниками, отвертками, шурупами, учебниками по радиоэлектронике с рассохшимися корешками. На самом видном месте в комнате стояла ореховая стенка, будто замок с двумя башнями шкафов и цветным окном телевизора. Тут и там было много белиберды: рамки

с фотографиями и игрушки, две лягушки в обнимку, два снеговика на качелях, ежик в тумане с узелком и удивленным ротиком буквой О. Над расписными тарелками высились фужеры с заводской наклейкой, покрытые дымкой голубоватой пыли.

– Ах ты, маленький! – Мама плюхнулась на диван. – Ну-ка, иди сюда.

Собака послушно запрыгнула к ней на колени и подставила голову, чтобы чесали.

– Наташка ругаться будет, что мы ему разрешаем... И так разбаловали всего. Да? – Тетка тоже протянула руку к теплому шерстяному затылку. – Да, мой хороший? Как же тебя не баловать, такого сладкого...

– Где ж звезда? – Мать оправила свитер, на которые уже легли рыжие собачьи шерстинки. – Спит, что ли?

– Не спала вроде... Наташа-а-а! – нараспев протянула тетя Валя. – Только тебя ждем.

Дверь в комнату сестры помещалась тут же, в проходном зале; планировка всех старых хрущевок, ничего не попишешь. За дверью было тихо, но снизу пробивался свет – значит, правда не спит. Мать обиженно выпятила губу и развела руками.

– Наташа, – устало повторила тетя. – Все остынет.

Есть хотелось ужасно. Дома все кончилось еще третьего числа, оставалась только картонка яиц да пачка майонеза. Тактика матери была беспроигрышной: либо она вставала к плите на полдня, и из-под ее рук выходило пюре с хрустящими отбивными, кружевные тонкие блинчики в масле, все самое вкусное, воздушное, нежное. «Кушайте, не обляпайтесь», – говорила она и устало плюхалась на диван, не притрагиваясь к еде. Но чаще мать отказывалась готовить что-нибудь сложнее омлета, жевала один хлеб с розовой «Докторской» колбасой и запивала растворимым кофе. Тетя Валя много чего умела, ее коронным блюдом были нежные пирожки, теплые яблоки в розовом тесте, но и она бросила хлопотать, как только Наташа уехала в Петербург.

Первое Ленино слово было «Валька». Стыдно признаться, но в детстве тетка казалась лучше матери – ласковее, слаще, заботливей. Жаль, что Наташа этого не понимает: когда сестра еще жила *дома*, тетка часто приходила к ним, низко опустив свою белобрую голову, и оставалась в бабушкиной комнате ночевать. Проходя мимо, Лена слышала громкие всхлипы и причитания: «Никому, никому не нужна, хуже всех, хуже всех». Ссорились мать и дочь часто, Наташка никогда не просила прощения. «Как мне извиняться, если я даже не в курсе, за что?» – фыркала она. Вальку было ужасно жаль, и непонятно, как у нее, мягкой и улыбчивой, получилась такая дочка. Нет, сестру Лена тоже любила, но не за доброту: Наташка была интересной, в голове у нее гнездились целые миры, миражи, сокровища. «Да, – хлюпала носом Валька, – но что толку, если она бессердечная. Вся в *их* породу», – имела она в виду крестного и его родню. «Терпи, – пожимала плечами мать. – Свое дерьмо не воняет».

Послышался скрежет, и дверь наконец открылась. Из комнаты, как на сцену, под зеленым светом гирлянды вплыла Наташка – спокойная, печальная и уставшая. Выглядела сестра плохо, не в пример хуже, чем прежде: одета в старый мохеровый свитер, истершийся на локтях, волосы всклокочены, а громадные линзы очков делают похожей на огромную рыбину. Вместо приветствия Наташа кивнула всем и уселась на низкую табуретку во главе стола, загородив собой телевизор. Лена заметила, что под глазами у нее легла тень, как у человека, который или много спит, или плачет, или все сразу. Сестра осторожно сняла очки, взявшись за серебристые дужки, отложила их на край стола и закрыла глаза, массируя переносицу.

С появлением Наташки в комнате будто выкрутили на минимум звук. Крестный поднял стакан и чокнулся со всеми, не сказав никакого тоста. «Да», – неизвестно что подтвердила Валька. Наташа скучающе разглядывала потолок. Она ничего не пила, только положила себе салата и взяла кусок серого хлеба. По левую руку из-за скатерти показались жалобные песьи глаза, скачущие с Наташки на ее хлеб и обратно. Сестра отложила крохотный кусочек и положила псу на нос. «Ждать, ждать, ждать». Собака страдала, переминаясь с лапы на лапу. На его круглых, как блюдецки, глазах выступили настоящие слезы. Крестный подпер щеку рукой и тяжело вздохнул. За последние пару лет он заметно обрюзг, глаза стали масляными и мягенькими, пальцы рук подрагивали.

– Можно, – наконец сказала Наташка.

Пес подбросил в воздух хлеб и тут же поймал его, издав громкий шелчок челюстями.

– Зубы смешные, – тихо сказала Лена про пса, чтобы завязать разговор.

Наташа усмехнулась.

– Может, это у тебя смешные? Ходишь к стоматологу, отдаешь бешеные тысячи. А он ничего не делает, и гляди: белые, ровные, крепкие.

Пес ощерился и подпрыгнул. Лена смущенно покрутила вилку в руке. У стоматолога она не была уже давно: не хотелось, и страшно было, и дорого очень. А Наташка будто их обожала, пару лет назад даже поставила брекеты. Мучилась, не могла есть ничего, плакала иногда от боли. «На хрена бы оно все нужно, – повторяла мать. – Этим в детстве надо заниматься, а теперь-то что...»

Собака была Наташкина. Подарил муж – или уже бывший муж, мать так говорила. Пес был дорожный, с родословной чище, чем у английской королевы. На фотографиях он казался круглее, на щенячьей морде застыло доверчивое выражение. Теперь они с сестрой, пожалуй, похожи: большие глаза, по-балетному вывернутые тонкие лапы, лохматая голова – какая-то бедовость и неприкаянность у обоих. Еще Наташка по-другому говорила: зал она зачем-то назвала гостиной, а сланцы крестного – шлепанцами, «г» было твердое. «Ломается, – подумала Лена. – Словно чужая».

После салатов тетка поставила чайник. Пока он вскипал, крестный отправился на балкон курить и утянул всех за собой – показывать то ли помидорную рассаду, то ли стрелки зеленого лука. «Это надолго, – сказала сестра и предложила померить кое-какие свои вещи. – Почти новые, просто больше не нравятся, а тебе подойдет».

С приездом Наташки ее комната преобразилась: стало чисто, торжественно, театрально. Пестрые обои сестра содрала, а вместо них во всю крашеную белым стену вlepила много рамок. Лена подошла ближе: ни на одной из фотографий не было ни Наташки, ни ее бывшего мужа, ни крестного с теткой.

– Это я в Будапеште купила, – сказала сестра, кивнув на левый угол. Лена взгляделась: там был какой-то замок и два обнявшихся щуплых подростка, которые улыбались и смотрели за кадр. – В антикварном за два евро.

Лена не знала, что ответить, и просто кивнула. Когда сестра жила в Петербурге, тетка и крестный пользовались ее комнатой как кладовой. Еще летом саксофон крестного был навален на связки школьных учебников, зимние сапоги валялись вперемешку с изъеденными молью шубами, катались по полу пустые банки, которые нужно вернуть на дачу, сгрудились у стены комплекты постельного белья на перламутровых пуговках и сумки CD-дисков, которые больше не на чем слушать.

Наташа открыла шкаф и принялась выбрасывать на диван вещи: платье в черных, как у вороны, перьях, белые и розовые рубашки, клетчатая юбка до пят. Лене ничего не нравилось, но обижать сестру не хотелось – и она молча принялась стаскивать свой жаркий свитер с горлом. Наташа деликатно отвернулась к двери, повернула замок и поспешно закрыла шторы; вид на гаражи затянулся красным потрепанным бархатом. Лена вспомнила, как хохотала мать, говоря с теткой по телефону: «Занавески! Она забрала у него занавески! Ай да Наташка, не одной козе хвост драда!».

– Ну как ты? – спросила сестра, все еще стоя к Лене спиной. – Как учеба? Когда экзамены?

– Так прошли уже, – ответила Лена, борясь с воротом вороньего платья. – Работаю.

– А-а, точно. Где работаешь? Прости, мама говорила, а я все забыла.

– Да это, – Лена замялась, – на почте. Отправление сортирую, ничего особенного.

– Главное, чтобы тебе нравилось, – сказала Наташа.

– Мама говорит, другого сейчас не найдешь...

– Мама пусть говорит, – перебила сестра. – Сама ты чего хочешь?

Нет, платье было невозможным: узкое горло, жесткий, как наждачка, подклад из синтетики. Лена почувствовала, как по позвоночнику стека-

ет тонкая струйка пота. Устав бороться, она в одном лифчике села в продавленное компьютерное кресло, стоявшее здесь со школьных Наташкиных лет; оно издало резкий жалобный скрип. Сестра удивленно повернулась, на секунду остановила взгляд на Ленином животе – но ничего не сказала, а тоже устало плюхнулась на пуфик у двери. За пуфиком висело старое трюмо и спускался со стены абажур с желтыми кисточками. Наташа повернулась под лампой, и на макушке блеснул седой волос. И еще один. И другой.

Сестра никогда не задавала вопросов про «мальчик-то есть», но с работой и учебой доставала всегда, сколько Лена себя помнила. «Какие у тебя планы на жизнь? Что тебе нравится делать? Неужели ты хочешь остаться *здесь* навсегда, остаться здесь *навсегда*?» Она понижала голос, будто говоря о чем-нибудь неприличном. Ничего Наташка не понимала в их жизни, думает, что мотаться по Будапештам любой дурак может.

Лена хотела в ответ спросить, не собирается ли сестра назад в Петербург, но вовремя прикусила язык. Наташа хоть и не показывает виду, но из-за развода переживает – вон какие синяки наплакала под глазами. Бывшего этого мужа, который подарил пса королевских кровей, Лена видела лишь однажды, на дне рождения тети Вали. Наташка сидела вся белая и терзала губы до крови, а он хорошо держался, спокойно слушал анекдоты про армию и евреев. «Эх, – осоловевший отец обнял мать и Лену с двух сторон, – козявки мои». Наташа буркнула, что плохо себя чувствует, и они быстро ушли, успели только подарить Вальке телефон, который она до сих пор носит. Больше Наташка с ним не приезжала, оставляла мужа в Петербурге.

Послышался скрип двери, по ногам пошел холод – курильщики вернулась с балкона.

– А я тебе говорю, у него как встанет, так почти как у меня...

– Тише ты! – фыркнула Валька.

– Все про собак да про пиписьки лишь бы, – гнусаво протянула мать. – Ленуся, вы где?

Наташа встала и повернула дверную ручку. В комнату просунулась голова матери, и Лена стыдливо закрыла руками грудь в застиранном белом лифчике.

– Что это вы тут делаете? Ох, а ты чего от матери закрылась? Звезда. – Мать фыркнула. – Папка наш звонил, собирайся. Надо скорее ему чего-нибудь принести в клювик, а то потом будет выступать весь вечер, визга не оберешься.

Лена кивнула и потянулась за свитером. Воронье платье упало на пол, но никто не стал его поднимать.

– Ой, занавески! – заметила мать, уже закрывая дверь. – Етить, какие. – Она цокнула языком. – Да, Наташка, красиво жить не запретишь.

После плотной еды тяжело было держать равновесие на гололедице, от мороза клонило в сон. Не давал уснуть колкий и мокрый снег, бил в лицо, попадал в нутро зимних ботинок. Мать уцепилась за локоть Лены и надвинула капюшон.

– Наташка-то совсем стала суходрищ, – сказала она на светофоре. – Это ты у меня кровь с молоком.

Лена опустила голову и промолчала. Мать поняла это по-своему.

– Ты на нее не смотри. У нее характер такой. – Мать скрючила палец и расковыряла им воздух. – Потому этот *интеллиго* и сбежал, наверное. А годков, чай, не шешнадцать. Еще злее станет, вот поглядишь.

– Может, в Петербург летом поехать? – неожиданно для себя самой спросила Лена.

– Чего? Что ты говоришь? – Мать сощурилась и вдвинулась глубже головой в капюшон.

– В Петербург давайте поедем. – Лена повысила голос. – Красиво.

– Что-то ничего я не слышу в куртке. Ой-ой, сейчас занесет...

Дома мать забрала у Лены ноутбук, ушла в дальнюю комнату и включила сериал про турецких наложниц. Диван, на котором они с отцом спали, тоже был как в гареме, старый, засаленный и неоправданно громадный, словно на пятерых. Уголок скромно укрывала дощечка: маленькая Наташка любила ее поднимать и прятаться в недрах фанерного лабиринта. Потом она выпрыгивала, как ассистентка фокусника, подтягивалась на руках и, довольная, грызла чипсы, сидя на спинке дивана.

Они смотрели мультики, которые Наташке были давно не по возрасту, потом одеяло превращалось в океан, а куклы искали сокровища в пещерах, мстили и ненавидели. Не любила Лена только играть в школу, когда сестра уж очень входила в роль и громко орала за двойки. Иногда они даже дрались: Наташка кидалась подушками, а Лена больно царапалась. «Ты Пацюк, – однажды придумала Наташа прозвище. – Пацюк и Хрюня». Лена не знала, кто такой Пацюк, но из-за Хрюни было очень обидно.

* * *

Назавтра был последний выходной перед рабочей неделей. Мать отправила Лену в торговый центр: купить мыла, туалетной бумаги, жареных крылышек, молока отцу «ну и что-то себе на сдачу». Лена сдержанно промолчала: деньги были целиком ее, вместе со сдачей, – всю зарплату она отдавала матери, а ее делом было не делиться с отцом.

Фуд-корт обволакивал запахом кипящего масла. Лена сразу почувствовала прилив не голода даже, а предвкушения и уверенности – вот-вот куриные крылышки в сладком соусе заполнят рот, и мир станет понятным и спокойным, как сделанный из конструктора. Продавцов Лена не стеснялась – они свои, они просто посредники, автоматы. В ожидании заказа она забралась на высокий стул напротив экрана, по которому ехали номера готовых заказов.

Из головы с вечера не выходила Наташка. Четыре года назад она поступила в институт в Петербурге, а еще через два нашла этого *интеллиго*. О том, что сестра выходит замуж, узнали за два дня до регистрации. «Не велела говорить, – шептала Валька по телефону. – Боялась сглазить. Теперь уж поедем». Ни Лену, ни ее родителей Наташка в Петербург не звала. Версии были разные: отец сетовал, что «родни не помнит, паскуда», мать, пытаясь его успокоить, робко возражала, что Наташка, наверное, боится показывать мужа: говорят, он на десять лет старше, «седые мудя». Потом разговор перескочил на Ленку, сидевшую тут же, – когда-то ведь и она уйдет, найдет какого-нибудь Васю или Петю, «запузырится» – мать так и сказала.

– Нечего, – перебил отец. – За чеченца отдам.

В строгости будет жить, но при бабках. Пусть покайфует капуста.

И отпил молока из коробки. Раньше отец любил пиво, еще раньше – клубы с игровыми автоматами, веселье вздох до утра. А до того, как встретить маму, успел даже посидеть за кражу какой-то там магнитолы. «Эх, где бы денег много украсть», – весело приговаривал он, когда Лена была маленькой, а потом включал кассеты «Бутырки» и Наговицына на всю катушку. Стены дрожали, бабушка крестилась и шепотом причитала, стряхивая пепел с «Беломора» на кухне. В сорок пять у отца почти отказало сердце – врачи все запретили и прописали строгую диету без холестерина. Диеты никакой он не соблюдал, только

пил литрами молоко и приговаривал, что в нем все здоровье.

Во времена «Бутырки» Наташка даже жила вместе с ними, в одной комнате с бабушкой – правда, недолго. Случилось это, когда Вальке совсем надоел крестный и она решила начать новую жизнь. Наташке исполнилось двенадцать, Лене – семь, но в первый класс она еще не ходила: мать то ли вовремя не подала документы, то ли вправду решила, что дочери нужно наслаждаться детством еще годок. Сестра ревела по ночам, молчала и все время ела, даже поправилась килограммов на пять. Потом не выдержала и сбежала к отцу, а вскоре к нему вернулась и Валька, смирившись, что новую жизнь начинать поздно.

За год до того, как уехать, Наташка в последний раз пришла к ним, принесла маленькую пачку «чоко-пая» и нарезанный пластинками сыр. Увидев, что раковина на кухне завалена окурками, сестра молча вымыла руки в ванной. Ничего она не сказала ни про забитый фанерой кусочек окна на кухне, ни про умершие растения, ни про падающую с потолка штукатурку. Она спокойно смотрела, как Лена наливает кипяток из забрызганного красным до самой крышечки чайника – и сморщилась, только увидев дно чашки, выкрашенной одним коричневым застойным пятном. В тот раз Наташа забрала несколько своих детских книжек, но каких-то недо считалась и предложила поискать их в бывшей комнате бабушки.

– Сто лет туда не заходила. – Сестра грустно улыбнулась. – Даже боязно как-то.

– Наташа, не надо, – Лена помотала головой. – Не ходи туда.

Сестра заинтересованно перегнулась через стол.

– Что такое? Звуки странные? Тени?

– Да нет, – Лена смутилась. – Там это... кошка рыгает.

– Так вот же она. – Наташка показала на подоконник, где действительно спала худая трехцветная кошка, вытянувшись между горшками сухой земли.

– Ну, не прямо сейчас. Ходит туда рыгать, как обожрется... Как бы получается, что ее комната.

Наташа застыла на пару секунд в непонимании, а потом сморщилась и затрясла головой. Минут через десять она засобирилась, ухнул вниз и унес ее лифт. Больше сестра не приходила. Валька откровенничалась: Наташке, мол, приснился кошмар, что она падает с их балкона и разбива-

ется насмерть. Потому и не приходит, суеверная, «ты же знаешь».

– Брешет. – Мать зевнула, показывая дырки в шестерках. – Просто лень к нам тащиться. Мы ей теперь не ровня.

На табло с заказами высветилось «98». Лена забрала два бумажных пакета, сквозь которые пробивались очертания теплых коробочек. Пицца и крылышки вкуснее всего сейчас, с пылу с жару, но Лена никогда не позволяла себе есть на фуд-корте – во-первых, это неприлично, вот так, одной, в окружении парочек и компаний. Во-вторых, тут и там сидят подростки, некоторые из них наркоманы, другие – просто ненормальные. Могут начать дразнить и обзывать жирной – такое было не раз и не два, даже при матери. Они могут припомнить, что Лена почти всегда ходит одна – значит, ни друзей, ни подруг, ни знакомых. Изгой. Почти так и было: Лена общалась только с парой знакомых из колледжа, тихих и домашних, которые сюда не поедут. Зачем больше? Она не любила ни гулянок, ни задушевной болтовни, ни вымученного внимания: звонить, писать, надоедать.

На первом этаже был отгорожен заборчиком крохотный парк аттракционов. Раздавалась детская песенка про «Энжи, Энжи, Энжи ин да хаус». «Ин Дахау?» – переспросила Наташка, когда они приходили сюда сто лет назад. Парк тогда только построили, у входа толпился народ. Сестра потом подрабатывала здесь, но быстро уволилась. Бывало, на смене она обедала на фуд-корте прямо в уродливой рабочей футболке с эмблемой парка. Но Наташка ведь злая, сама кого хочешь задразнит.

Лена с тоской подумала, что завтра первый рабочий день в году и длинные праздники теперь только в мае. Хотя на почту она не жаловалась. Там тяжело работать с людьми, которые горланят прямо в лицо, – а на сортировке легко. Псылки, которые Лена разбирала, сушили кому-то мурчащее удовольствие: в бумагу и полиэтилен были закутаны детские курточки, половники, кастрюльки, миксеры, накладные реснички и ногти, чайные пакетики, крючки для полотенец, бигуди и теплые тапочки. Люди не заказывали ничего дурного – это Лена знала наверняка. Им просто хотелось жить хорошо. И не надо для этого куда ехать, все можно доставить, хоть из Петербурга, хоть из Москвы, хоть из Америки. Только приди и забери, и наслаждайся себе чистым и мягким мехом на тапочках, и помешивай суп красивой пластиковой поварешкой.

Отец звонко цыкнул, убирая набившуюся под коронку слюну. Лена отметила про себя, что ноги его, торчавшие из семейных трусов, еще больше похудели, а живот, наоборот, вздулся. Главное не отвечать, не раздражать его. Молчать, кивать, если что – кликнуть маму. Папа был нервный, крикливый, но отходчивый.

Силуэт отца вдруг качнулся вправо и исчез. «Будет на кухне сидеть и материться, пока не извинюсь», – подумала Лена. Но он снова вырос в проеме – и в руках вместо «Вкуснотеево» почему-то держал ремень из грубой змейчатой кожи. Брюк отец давно не носил, и Лене даже стало интересно, откуда взялась такая находка.

– Шас как получите у меня! – Он вскрикнул и дернул ремень в стороны. Кожа издала пронзительный, как удар плетки, щелчок.

От неожиданности Лена вскочила, забыв о саване покрывала. Спеленутые ступни отказались слушаться, она потеряла равновесие и скатилась на ковролин, смешно вытягивая ладони. Дремавшая кошка очнулась, взвизгнула и, шипя, спряталась под диван. «Кусайся или беги», – вспомнила Лена. И еще почему-то слова крестного про собаку.

Тень отца мелко дрожала, растекшись по бурым пятнам ковра. Смех булькал, словно кипел в глотке, но не смел вырываться наружу. Лена даже приподнялась, замороженная: живот, перерезанный синей наколкой, напоминал сказочный чан, в котором варится зелье. Ремень спускался с его сплющенной ладони, пряжка волочилась по полу и тихо позвякивала. И казалось, что длится это долго-долго, что время тает и размывается, что все это лишь продолжение снов: то не ремень скрипит, а педаль «Зингера», то не хохот раздастся, а сестра вдалеке рыдает, уткнувшись в бабушкино плечо, то не засорившаяся труба шумит, а на лифте поднимается домой дед, насквозь пропитанный морозом и спиртом, в карманах дубленки лежат две измятые шоколадки.

Наконец отец успокоился, икнул и вытер глаза. – Ладно, – сказал он снисходительно. – Не ссы компотом. Магазин до восьми, может, еще успеешь.

